

С.Н. ТРУФАНОВ

ПРОЛЕГОМЕНЫ КО ВСЯКОМУ БУДУЩЕМУ УЧЕБНИКУ ФИЛОСОФИИ (Об учебнике философии)

Опубликована в журнале "Ярославский педагогический вестник" – № 3, 2007 – С. 24-36.

*Мне кажется небрежением, что, утвердившись в вере,
мы не стремимся понять то, во что мы веруем.*

Ансельм

Вузовской философии сегодня крайне необходим новый, отвечающий велениям времени учебник. Это вопрос её выживания. Появится такой учебник, будет и будущее у вузовской философии. Не появится – её ждут тяжёлые времена. В лучшем случае ей придется смириться с положением второстепенной факультативной науки, в худшем – её попросту исключат из учебных программ.

Почему возникла проблема учебника философии?

Ответ на этот вопрос мы получим, если сделаем краткий обзор всей истории её развития. Пожалуй, только в самом начале своего пути, в период Античности, философия была предоставлена самой себе и развивалась в условиях неограниченной младенческой свободы. Однако уже в середине первого тысячелетия н.э. ей пришлось проститься с прежней вольностью и перейти на положение ученицы и, одновременно, прислужницы богословия. Погрузившись в библейские тексты, она осваивала монотеистическую картину мира и училась мыслить его с точки зрения всеобщности его творения. В этом качестве она пребывала на протяжении всего Средневековья.

В период Нового времени философия потихоньку стала отходить от библейской картины мироздания. Её базой вновь становились данные конкретных наук. Однако все свои свежие идеи она продолжала выражать по преимуществу богословским языком. И только наступивший век Просвещения позволил философии перейти с религиозного языка на светский. Начиная со второй половины XVIII столетия философы получили возможность не только строить свои рассуждения вне зависимости от библейской картины мира, но и выражать их соответствующим научным языком.

Обретённая философской мыслью свобода творчества не означала, однако, что она становилась свободной и по отношению к современному ей обществу. В пределах своей головы философы могли рассуждать о чём угодно и приходить к каким угодно выводам, но делать свои мысли достоянием масс, им приходилось с величайшей осторожностью. Большинство тех истин, которые открывались им, были ещё неприемлемыми для того общества, в котором они жили. Если бы их смысл стал доступен современникам, то сами философы подверглись бы жесточайшим преследованиям как со стороны церкви, так и со стороны государства.

Такая ситуация существовала в науке до середины XIX столетия. Наиболее болезненно она отразилась на творчестве представителей немецкой классической философии: Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля. Именно потому, что мыслили они глубоко и основательно и выдавали "на гора" богатейший материал, раскрывающий природу самого человеческого разума, излагать содержание своих учений им приходилось завуалированным малопонятным языком, руководствуясь принципом: чем сложнее, тем лучше. Они были вынуждены многие вещи называть не своими именами, не договаривать до конца мысли, не приводить никаких поясняющих их суть примеров. Но даже при этом условии их периодически обвиняли в атеизме, в покушении на нравственность и прочих грехах. Достаточно привести красноречивый факт из биографии их младшего современника Л. Фейербаха, который в 1830 г. анонимно опубликовал сочинение "Мысли о смерти и бессмертии", где позволил себе излишнюю ясность изложения. Так вот,

расплатился он за это тем, что был лишён права преподавания, а тираж его книги был уничтожен.

Только революции середины XIX века позволили философии существенным образом раскрепостить свой язык. Но они же принесли ей новую беду – заставили служить революционным идеологиям. Начавшийся в Европе процесс перехода народов со ступени неравноправного феодального строя на ступень демократического, правового строя растянулся более чем на полтора столетия. На протяжении всего этого периода философия вновь вынуждена была забыть о своих интересах и обслуживать чужие. Причём таких идеологий появлялось много. Они активно противоборствовали друг с другом. Философии приходилось подстраиваться под каждую из них, угождая совершенно разным, порой противоположным идеологическим учениям, в том числе и таким, которые провоцировали развязывание мировых войн.

Своего пика мировой революционный процесс достиг в 60-70-х годах XX столетия. Лишь тогда была преодолена критическая точка преобразований на планете – большинство народов создали основы демократического правового строя. Начавшаяся в 70-х годах минувшего века сначала в Китае, а затем в СССР и в других социалистических странах "перестройка", плавно перешедшая в комплексные демократические преобразования, привела к завершению эпохи холодной войны и мирового идеологического противостояния. Когда цель достигнута, тогда средство её достижения уходит в прошлое. К началу XXI века ушли в прошлое и терзавшие философию на протяжении последних столетий революционные идеологии.

Впервые за полтора тысячелетия философия осталась наедине с собою и вздохнула свободно. Она наконец-то перестала быть чьей-то прислугой и обрела возможность заняться наведением порядка в своём собственном хозяйстве. Теперь ей предстоит в кратчайшие сроки, по сути, заново воссоздать себя в качестве самостоятельной и востребованной обществом науки. Для этого ей требуется объяснить всем: зачем она нужна, чем она отличается от других наук, что нового и необходимого она может дать людям? И главное, что она должна сделать, – раскрыть себя как сформировавшуюся систематическую науку во всём богатстве своего содержания.

Всё это и призван отразить новый учебник, с которым философии предстоит войти в образовательный процесс третьего тысячелетия.

Цель философии, или зачем она нужна?

Все добываемые человечеством знания о природе и о самом себе изначально пребывают в форме простого скопления множества рядоположенных фактов и сведений. Но поскольку сам мир представляет собой нечто целое, то, следовательно, все разрозненные знания о нём должны быть сведены в одну общую картину, показывающую его как единое целое. Спонтанно, сама собой, такая целостная картина мира в сознании людей не возникает. Для её создания требуется целенаправленная деятельность нашего интеллекта, задача которого заключается не только в производстве отдельных знаний, но и в приведении их к такому всеобщему единству. Вот эту работу по созданию единой картины мира, показывающей его как целое, призвана выполнять философия. С этой целью она родилась на свет ещё задолго до появления всех других наук, и никто эту цель не отменял.

Но не она одна действует на этом направлении. Эту же цель преследуют искусство и религия.

Отличие философии от искусства и религии

Различие данных форм отражения единства мира – искусства, религии и философии – обусловлено тремя последовательными ступенями деятельности интеллекта человека: первая ступень – *созерцание*, вторая – *представление*, третья – *мышление*.

На первой ступени мы только непосредственно *созерцаем* окружающие нас

предметы: видим их, слышим, осязаем, обоняем, пробуем на вкус. Из воспринятых ощущений в нашем внутреннем *представлении* формируются образы предметов. Далее мы обозначаем данные образы словами. Слово, закреплённое за образом предмета, становится его именем. (Сами слова не имеют имён, поскольку каждое из них – само имя.) С помощью слов-имён наш интеллект восходит на третью ступень своей деятельности – *мышления*. Мышление осуществляется посредством слов. Связывая слова между собой, мы создаём мысли. Слова составляют ткань мысли, а человеческий язык в целом является телом мышления. Только на ступени мышления мы постигаем понятия предметов.

В соответствии с тремя названными ступенями деятельности интеллекта происходит обобщение знаний о мире. На первой ступени этим занимается *искусство*. За счёт обработки какого-либо внешнего материала художник создаёт чувственно воспринимаемое творение, в образ которого вкладывает своё идеальное представление о мире.

На второй ступени обобщением знаний о мире занимается *религия*. Она выстраивает все находящиеся в нашем представлении образы предметов в единую картину мироздания. Эта картина может быть сколь угодно произвольной и эклектичной, но главным в ней является то, что она увязывает в одно целое всё множество обрётённых к моменту её создания фрагментарных знаний.

На третьей ступени обобщением накопленных знаний занимается *философия*. Она работает напрямую с понятиями предметов, из которых посредством мышления выстраивает единую научную картину мира.

В разработке трёх перечисленных форм принимают участие все ступени деятельности интеллекта – и созерцание, и представление, и мышление. Однако определяющей для каждой из них является только одна. В искусстве это – внешне *созерцаемый* предмет. В религии – внутренне *представляемая* образная картина мира. В философии – отстраиваемое *мышлением* понятие мира. Например, тот факт, что при создании религиозной картины мироздания активное участие принимало мышление, вовсе не означает, что эта картина уже положена собственно как мысль в её строгом развитии.

Отличие философии от конкретных наук

Прежде чем говорить об их отличии, мы должны разделить все конкретные науки на две группы: а) фундаментальные и б) прикладные. *Фундаментальные* науки нацелены на изучение мира – такого, каков он есть сам по себе. *Прикладные* науки имеют своей целью практическое применение материалов и явлений природы для нужд человечества. Для философии интерес представляют главным образом данные фундаментальных наук.

Так вот, между философией и конкретными науками существует два принципиальных отличия.

Первое. Конкретные науки изучают мир по частям (отсюда и другое их название – "частные"). Каждая такая наука находит какую-то отдельную область мира и исследует её. Философия выполняет по отношению к ним противоположную функцию. Она стремится показать мир как целое. Подобно тому, как спортивный тренер противостоит игрокам, а театральный режиссёр – актёрам, так и философия составляет единство противоположности со всеми остальными науками. Их цель – мир по частям, цель философии – мир в целом.

Второе. Каждая конкретная наука начинает процесс познания "своей" части мира со ступени непосредственного чувственного восприятия (созерцания) тех реальных предметов, которые её составляют. Исследуя данные предметы, она вырабатывает соответствующий круг понятий и определений, посредством которых делает данную область мира достоянием нашего мышления. Например, химия показывает нам качественные различия вещества планеты посредством таких определений, как: *соль, оксид, гидрат, кислота, основание* и т.д.

В противоположность частным наукам философия начинает постигать мир не со ступени его непосредственного чувственного восприятия, а сразу же со ступени его

мышления. Она оставляет всё позитивное содержание частных наук (данные наблюдений, замеров, экспериментов, расчётов и проч.) самим наукам и сосредоточивает своё внимание на их рациональной стороне – используемых ими понятиях и определениях. Философия противопоставляет себе все наполняющие мышление человека понятия и определения и далее работает непосредственно только с ними.

Понятия и определения – это один и тот же материал нашего мышления. Понятия состоят из определений. При этом каждое определение само может рассматриваться как понятие, состоящее из собственных определений, и наоборот, каждое понятие может выступать одним из определений понятия более высокого уровня. Например, если нас интересует понятие данного *университета*, то в этом случае все составляющие его факультеты и студенты будут выступать в качестве его определений. Но если нас интересует вся *система образования*, существующая в городе, то здесь уже сам университет будет выступать одним из определений её понятия. Понятия и определения неотделимы друг от друга и по ходу наших размышлений переходят друг в друга.

Именно потому, что философия имеет своим предметом не чувственно воспринимаемый мир вещей, а лишь те понятия и определения, посредством которых мы этот мир мыслим, она является *умозрительной* наукой (по Канту – *априорной*, по Гегелю – *спекулятивной*). Из сказанного, в частности, следует очень важный для нас вывод: ***содержанием любого учебника философии является определённый круг понятий***. Этот круг может быть более широким или более узким. Он может подразделяться на части, на главы, на темы, на науки и т.д. Сами понятия могут подаваться в нём как в "собранном", так и в "разобранном" виде. Суть дела от этого не меняется. В любом учебнике философии мы имеем дело с определённым кругом тех понятий и определений, посредством которых мы осмысливаем наш мир.

Задача философии, или что она должна делать, чтобы достичь своей цели

На основе вышеизложенного мы имеем следующие исходные данные для определения *задач* философии:

- цель философии – показывать мир как целое,
- достигать этой цели она должна, находясь на ступени мышления и посредством деятельности мышления,
- материалом для этого являются все те разрозненные понятия и определения, которые уже выработаны человечеством и эксплуатируются им.

Соответственно, *задача* философской мысли заключается в том, чтобы выстроить из этого разрозненного материала (понятий и определений) единую научную картину мира, показывающую его как целое. Ключевым при её решении является вопрос: ***как?*** Как произвести всеобъемлющую систематизацию понятий, с тем чтобы в итоге из них сложилась единая научная картина мира?

Варианты решения задачи, или принципы систематизации понятий

К поискам ответа на этот вопрос философы приступили ещё в первой половине XVIII века, и в течение одного столетия ими было разработано ***четыре*** принципа всеобъемлющей систематизации понятий:

- а) *алфавитный*,
- б) *хронологический*,
- в) по так называемым *философским наукам*,
- г) в порядке *логической преемственности их смысла*.

Алфавитный принцип систематизации понятий был реализован во второй половине XVIII века французскими учёными Д'Аламбером, Дидро и другими. Собранные вместе все известные к тому времени научные понятия, различные факты и просто

сведения, они свели все эти материалы в одну книгу, где расположили их постатейно в простом алфавитном порядке. Так на свет появился первый энциклопедический словарь.

В настоящее время таких словарей существует множество: общих и специальных, отраслевых и территориальных и т.д. Имеются они и в философии, где нам предлагаются как многотомные философские энциклопедии, так и краткие философские словари.

Алфавитный принцип систематизации способен вместить в себя неограниченное число понятий, что можно рассматривать как его достоинство. Однако предлагаемый им порядок их рассмотрения имеет чисто внешний, формальный характер и сам по себе никак не способствует формированию в голове человека единой картины мира.

Хронологический принцип. Первые обобщающие труды по истории философии появились в конце XVIII века, и за последующие двести лет их было создано достаточно много. Однако все они и по сей день носят преимущественно описательный характер, т.е. показывают учения философов прошлого как самодостаточные и как не имеющие содержательной связи друг с другом. (Исключение составляют только лекции Гегеля по истории философии, но о них речь пойдёт ниже.) Объясняется данное положение тем, что реальная история развития философской мысли была отягощена целым рядом внешних обстоятельств, которые не позволяют увидеть невооружённым глазом логическую преемственность хронологически последовательно вводимых в научный оборот понятий.

Во-первых, в творческом наследии многих философов наряду с сугубо рациональными идеями в обилии содержатся выдумки и предрассудки. Во-вторых, нередко какие-то понятия вводились в научный оборот раньше тех, которые должны предшествовать им логически. В-третьих, импульс развития философской мысли постоянно перемещался из одной страны в другую. При этом он то угасал на многие столетия, то вновь возрождался. В-четвёртых, о чём уже говорилось выше, в отдельные времена философам приходилось намеренно излагать свои мысли труднодоступным для понимания языком. В-пятых, в периоды религиозного и идеологического служения философии её собственные интересы задвигались на задний план господствующими на тот момент догмами.

Ключом к пониманию истории философской мысли, т.е. тем средством, которое позволит нам проследить содержательную преемственность учений прошлого, является *логический порядок* понятий, устанавливаемый систематической философией. Иначе говоря, история философии станет понятной только после того, как сама философия оформится в развитую научную систему. Без этого даже самый скрупулезный труд не сможет показать нам логическую преемственность исторически последовательно вводимых в научный оборот понятий.

Принцип систематизации по так называемым философским наукам. Он был разработан в первой трети XVIII века Христианом Вольфом. Этот философ разделил все накопленные к тому времени знания на ряд обособленных наук: логику, онтологию, космологию, психологию, теологию, этику, политику, экономику, телеологию, физику, технологию и ряд других. Очертания данных наук не имели у него чётких границ, а их содержание излагалось догматическим бездоказательным образом.

Для середины XVIII века разработанная Х. Вольфом система являлась прогрессивным шагом, продиктованным необходимостью вытеснить из образования уже пережившую своё время схоластическую философию. Она получила широкое распространение, а созданные им учебные руководства по различным дисциплинам служили основой университетского образования в Германии вплоть до появления критических работ Канта.

Для нашего времени вольфовская система представляет собой анахронизм. Ни по форме, ни по содержанию она не соответствует ни уровню развития современной науки, ни потребностям самой философии. Однако именно этот *вольфовский принцип систематизации понятий*, или, что суть одно и то же, *вольфовская система философии*, заняли сегодня господствующее положение в нашем образовании. Иначе говоря, та

философия, которую сегодня преподают в вузах и *стандарты которой утверждены государством*, базируется на позициях, заложенных ещё Х. Вольфом:

- а) разделение философии на неопределённое число размытых в своих границах наук: аксиологию,.. гносеологию,.. диалектику,.. логику,.. онтологию, ..., и т.д. и т.п.;
- б) свободная перестановка этих наук в пределах учебного курса;
- в) произвольное распределение между ними понятий;
- г) догматический способ изложения самих понятий, не требующий какой-либо доказательности и допускающий любые перескоки и разрывы мысли,

Внешне вольфовский принцип создаёт эффект присутствия в нём строгой научности, однако внутренне он не содержит в себе никакой определённости. В силу этого он открывает широкий простор для произвола. Каждый философ сам определяет для себя: сколько и каких "наук" должно быть в его учебном курсе, в какой последовательности они будут располагаться, какие именно понятия должны рассматриваться в каждой из них. Руководствуется он при этом отчасти традицией, отчасти интуицией, отчасти своим голым мнением (мнение – это то, что принадлежит *мне*). Но самое удручающее состоит в том, что все те понятия, которые включаются в состав учебных курсов, преподносятся, как и во времена Вольфа, догматическим бездоказательным образом.

Как же так получилось, что к началу XXI века наша вузовская философия оказалась отброшенной почти на три столетия назад на докритические позиции "прежней метафизики"? Произошло это потому, что, выполнив своё предназначение, ушли в прошлое *диалектический* и *исторический* материализм. Задачей данных курсов было идеологическое обоснование происходящих в социалистических странах преобразований. Соответственно, они имели в своей основе жёсткий каркас, состоящий из последовательного ряда незыблемых идеологических положений. Когда же в начале 90-х годов XX века из вузовской философии убрали её идеологическую составляющую, она осталась без этого каркаса и незаметно стала сползать в сторону вольфовской философии. Она перестала быть "марксистско-ленинской" и "диалектико-материалистической" и превратилась как бы в "просто философию". Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что у этой "просто философии" есть имя – *вольфовская*.

В результате отката на вольфовские позиции содержание нынешних учебников философии приобрело вид наукообразной мякины, изучение которой никак не способствует ни наведению порядка в головах студентов, ни формированию у них научной картины мира, ни, тем более, появлению чувства любви и благодарности к самой философии.

Принцип систематизации понятий в порядке логической преимущества их смысла. Он был разработан в первой трети XIX века в немецкой классической философии. Мы не будем рассматривать здесь персональные заслуги каждого из великой четвёрки: Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля. Скажем только, что отправной точкой стал отказ всех четверых от вольфовской системы философии. Сам же принцип был сформулирован Иоганном Готлибом Фихте, но реализован Вильгельмом Гегелем. В своей трёхтомной "Энциклопедии философских наук" он разобрал все арсеналы мыслительных определений, которыми пользуется в своей работе человеческий разум, и выстроил их в порядке логической преимущества их смысла, где из одного определения вытекает смысл другого, их него – третьего и т.д. (К "Энциклопедии" сводятся все другие произведения Гегеля, в которых более подробным образом излагаются её отдельные разделы. Что же касается его первой большой работы – "Феноменологии духа", то она представляет собой лишь начальный вариант построения его научной системы. Впоследствии Гегель от него отказался в пользу того, который был реализован им в "Энциклопедии".)

Гегель разделил все эксплуатируемые нашим мышлением определения на три группы. Первую группу составили определения *чистого понятия*. Вторую – определения *природы*. Третью – определения *человечества*. Затем он систематизировал каждую группу определений по отдельности. В первом томе своей "Энциклопедии" – "Науке логики" – он

выстроил понятие *чистого понятия*. Во втором томе – "Философии природы" – понятие *природы*. В третьем томе – "Философии духа" – понятие *человечества*.

Наибольшую сложность для осмысления составляет его "Наука логика", в которой он синтезировал понятие чистого понятия. *Чистое понятие*, или *понятие в чистом виде*, – это то общее, что присуще понятиям всех предметов. Если каждый конкретный предмет имеет своё собственное понятие, то, следовательно, у всех у них (у их понятий) должно быть что-то общее. Вот это общее и есть то, что Гегель назвал *понятием как таковым*, или *чистым понятием*.

Любой предмет представляет собой некую *целостность*, которая состоит из *частей*, а части – из *элементов*. На языке *чистого понятия* целое называется *всеобщностью*, части – *особенностью*, а элементы – *единичностью*. Однако для того чтобы получить возможность использовать в своих умозаключениях эти определения, необходимо прежде выявить в самом предмете все его реальные части и элементы. Только за счёт этого наше мышление получит тот фактический материал, который позволит ему наполнить данные определения (всеобщее, особенное и единичное) конкретным содержанием. Но ещё раньше нам потребуется обнаружить сам предмет и отделить его от остального мира. Соответственно, вся процедура постижения понятия любого предмета включает в себя три этапа. На первом мы только *обнаруживаем* сам факт бытия интересующих нас предметов. На втором – *выявляем* их внутреннее строение и внешние связи. На третьем – *постигаем* их понятие как таковое. Отсюда три части "Науки логики": "Учение о бытии", "Учение о сущности", "Учение о понятии".

Каждому этапу постижения *чистого понятия* соответствует свой круг используемых нами определений, которые называются *категориями*. Категория означает то конкретное, что мы высказываем о предметном мире, что мы утверждаем в отношении него. Таковыми являются *всеобщие признаки*, которыми обладают все окружающие нас предметы. Все они имеют *количественные* и *качественные* параметры, *форму* и *содержание*, а также *единичное*, *особенное* и *всеобщее* значение и т.д. Вот эти определения и были систематизированы Гегелем в "Науке логики", благодаря чему он выстроил в ней понятие *чистого понятия*.

(Пустого, беспредметного мышления не бывает. Оно всегда направлено на постижение понятия того или иного предмета. А это значит, что наука о *чистом понятии* и наука о *мышлении* – логика – представляют собой одну и ту же науку.)

Наука о чистом понятии – "Наука логики" – это абсолютное достижение человеческой мысли. Создав её, Гегель решил сразу две задачи. Во-первых, он отделил определения чистого понятия от определений природы и человечества, благодаря чему сумел сделать то, что прежде не удавалось никому, – навёл действительный порядок в арсеналах человеческого разума и установил ведомственную принадлежность всех понятий без исключения. Во-вторых, он показал, что представляет собой *понятие как таковое*, из каких определений (категорий) оно состоит и в какой последовательности наше мышление постигает его. В итоге он расставил все определения человеческого разума по своим местам, в силу чего каждое из них раскрылось во всём богатстве своего содержания. В окончательном варианте созданная им система понятий приобрела следующий вид.

I. ЧИСТОЕ ПОНЯТИЕ

1. Бытие
2. Сущность
3. Понятие как таковое

II. ПРИРОДА

4. Небесная механика
5. Планета
6. Биосфера

III. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

7. Человек
8. Общество
9. Знание

Необходимо подчеркнуть, что разработал Гегель свою систематизацию весьма своевременно, не упустив подходящий для этого момент. Мало знаний – плохо, много знаний – тоже плохо. При недостатке знаний их *ещё* нельзя привести в разумный порядок, при их избытке – *уже* невозможно. В годы жизни Гегеля научное знание находилось как раз на том уровне развития, когда данную работу уже не только пора было начинать

делать, но ещё и можно было сделать. В большинстве наук к тому времени уже сформировался аппарат основных, несущих их конструкцию понятий. При этом само строение этих наук ещё оставалось прозрачным и не было загромождено всем тем прикладным содержанием, которое пришло в них позднее. В более зрелом возрасте человечества – а за последующие два столетия оно взрослело не по дням, а по часам – проделать такую работу никому бы уже не удалось.

К сожалению, все произведения Гегеля оказались написаны невероятно трудным языком. Причина этого, как уже было сказано, состояла в том, что в начале XIX века не обо всех вещах можно было говорить и писать открытым текстом. Поэтому Гегель вынужден был излагать свои мысли нарочито сложным, малопонятным языком. Из-за этого содержание его произведений оказалось законсервированным для понимания на многие десятилетия. Они переводились на разные языки и неоднократно переиздавались. Однако главные вопросы: **что** он сделал, **зачем**, с какой **целью**, оставались без ответа.

Таковы четыре принципа всеобъемлющей систематизации понятий. Назовём их ещё раз:

- а) алфавитный;
- б) хронологический;
- в) по философским наукам – *вольфовский*;
- г) в порядке логической преемственности их смысла – *гегелевский*.

Все они были разработаны в период с 30-х годов XVIII века до 30-х годов XIX века. За последующие сто восемьдесят лет никаких других принципов предложено не было и, надо полагать, уже не будет. Поезд с набором необходимых для этого условий давно ушёл. В настоящее время, когда в крупнейших библиотеках мира насчитываются десятки миллионов единиц хранения, работа подобного масштаба является уже невыполнимой. Она превосходит возможности человеческого разума. А значит, настало время обращаться к тому, что было создано ранее.

Христиан Вольф или Вильгельм Гегель: рассудок или разум?

Выбор, по сути, предстоит сделать лишь между двумя философскими системами, основанными на двух разных принципах систематизации понятий: ныне действующей – *вольфовской* и пока ещё не сказавшей своего слова – *гегелевской*. Оба других принципа (алфавитный и хронологический) являются производными от них. В зависимости от того, какую из этих систем философии мы изберём, мы получим две разные по содержанию статьи алфавитные энциклопедии, и, соответственно, два разных курса истории философии.

Различие вольфовского и гегелевского принципов систематизации понятий не является делом случая. Они отражают собой две последовательные ступени развития мышления человека, где первая ступень – *рассудок*, вторая – *разум*. Рассудочное мышление ещё привязано к образным представлениям предметов и в своей деятельности отталкивается от них. Те предметы, которые человек мыслит на ступени *рассудка*, находятся ещё в сфере его образного представления, а выявляемые им их различные определения становятся уже достоянием его мышления. Иначе говоря, *субъектом* суждения на ступени рассудка является представляемый человеком образ вещи ("это"), а *предикатами* – её различные определения, посредством которых данная вещь ("это") переносится в сферу мышления.

На ступени *разума* мышление человека отрывается от образных представлений. Оно обращается внутрь самого себя, где делает своим предметом все уже находящиеся в нём самом определения вещей. Связывая эти определения между собой, мышление выстраивает из них понятия, а сами понятия сводит в единый ряд, систематизируя по принципу логической преемственности их смысла. В этом, собственно, и состоит превосходство разума над рассудком: все отдельные понятия получают своё истинное познавательное значение, лишь только став логически упорядоченными моментами единой в себе системы. Соответственно, только поднявшись на ступень разума, человек

обретает способность создавать из отдельных понятий целостную научную картину мира.

Вольфовская философия соответствует ступени *рассудочного мышления*. Соответственно, она видит свою задачу в том, чтобы выявлять как можно больше содержащихся в представляемых ею предметах различий (частей, сторон, элементов, аспектов, состояний и т.п.) и обозначать их словами. Например, если речь заходит о "сознании", то учебники философии сообщают нам, что существуют: индивидуальное, общественное, групповое, классовое, историческое сознание и многие другие его формы. Если речь заходит о "движении", то нам говорят, что оно представляет собой и механическое перемещение, и изменение вообще, и разрушение, и созидание, и смерть, и прочее. Но что такое "сознание" и что такое "движение", в итоге остаётся непонятным. Простой механический перечень различных определений не даёт понятия предмета.

Именно потому, что вольфовская философия ещё находится в плену образных представлений, она не способна выстраивать понятия предметов. Она ограничивается тем, что по примеру всех других наук выявляет и перечисляет их различные определения. Сама по себе данная деятельность нашего мышления является необходимым этапом в процедуре познания окружающего мира. Но на этом дело не останавливается. Далее требуется сводить выявленные определения в понятия. А как это сделать, вольфовская философия не знает. Поэтому вместо понятий как таковых она производит *дефиниции*, которые отражают всё те же наши обычные представления вещей, а также их ближайшие связи. Например: "Сознание – это свойство материи", "Материя – это объективная реальность", "Движение – это способ её существования". В силу своей рассудочной природы вольфовская философия действует противоположным принципу системности образом. Она не втягивает в себя разрозненные определения и не связывает их между собой, а наоборот, разделяет их и как бы выталкивает из себя.

Вольфовская философия заявляет о том, что она выполняет *мировоззренческую* функцию. Но какое воззрение на мир она может сформировать, если сама состоит из многих несвязанных между собой частей и фрагментов? Равным образом она претендует на то, что выполняет по отношению к другим наукам важную *методологическую* функцию. Но, опять-таки, о какой методологии может идти речь, если она сама преподносит все попадающие в сферу её внимания понятия догматическим бездоказательным способом, а ход её рассуждений полон разрывов и перескоков? Как бы услужливо ни вела себя сегодня вольфовская философия по отношению к частным наукам, она не в состоянии принести им какую-либо пользу.

Входящая в её состав *формальная логика* настаивает на том, что она учит людей правильно мыслить. Однако правильность и истинность – это две разные вещи. То, чему она на протяжении тысячелетий пытается учить людей, не содержит в себе никакой истины. (Это показал ещё И. Кант.) Причина такой хронической немощности формальной логики заключается в том, что предметом её внимания являются только "вершки" мысли – различные виды суждений и умозаключений. Что же касается их "корешков" – определений *бытия* и определений *сущности*, которые, по выражению Гегеля, образуют "генетическую экспозицию понятия", то для формальной логики их вообще не существует¹. А без опоры на такие *объективные* "корешки" все её попытки выявить разумную связь "вершков" (*субъективных* форм мысли: суждений и умозаключений) обречены на бесконечное топтание на месте.

Существующая сегодня практика присвоения учёных степеней также целиком основана на рассудочном мышлении. Диссертант, как правило, исследует одно или два определения, которые он размазывает на сто и более страниц. Откуда взялись эти определения? Какое место они занимают среди других определений? Ответ на эти вопросы даётся только в плане освещения истории их введения в научный оборот. Далее следует стандартный набор структурных разделов диссертации (введение, главы и т.д.) и её

¹ Всем уважающим себя специалистам по формальной логике следовало бы обратить внимание на то, как Гегель назвал своё учение о мышлении – "**Наука** логики". Этим названием он деликатно давал понять, что не всё из того, что величают *логикой*, уже является наукой.

содержательных пассажей: кто что сказал по этому поводу, с кем можно согласиться, а кому стоит возразить, чью точку зрения разделяет диссертант. Научная ценность таких "исследований", за редким исключением, относящимся преимущественно к историко-философским темам, равняется нулю. За что же тогда присваивается учёная степень? За то, что самым фактом написания такой диссертации соискатель **принёс присягу на верность рассудочной философии**. (До начала 90-х годов XX века присягали на верность марксистско-ленинской философии. Теперь же по инерции присягают тому, что от неё осталось.)

Такая технология "подготовки" научных кадров не только не способствует повышению творческих способностей человека, а наоборот, губит их. Ради степени диссертанту приходится жертвовать здравым инстинктом своего разума, побуждающим его сводить многообразное содержание к единству понятия. И далеко не всем потом удаётся восстановить его. Многие так пожизненно и остаются на ступени рефлектирующего рассудка, способного философствовать о том, о сём, о пятом, о десятом и т.д. Подобное *философствование* имеет к собственно *философии* такое же отношение, как наши ежедневные житейские расчёты (в килограммах, в литрах, в штуках, в рублях, в часах и т.д.) имеют к науке математике как таковой. Все частности интересуют философию только через призму достижения её главной цели – постижения мира в целом. Коль скоро диссертация считается квалификационной работой, то к таким учёным степеням следовало бы для точности добавлять слова "рассудочная" или "вольфовская": доктор *рассудочной* или *вольфовской* философии. (Первое условие лечения болезни – называть вещи своими именами.)

Свою прогрессивную роль система Вольфа сыграла уже давно, сразу же после своего появления. Она вытеснила собой средневековую схоластику и придала утвердившейся на научных позициях философии главенствующее положение. (За это вся образованная Европа выразила Х. Вольфу благодарность. Правители ряда стран, включая нашего царя Петра Первого, зазывали его в свои академии.) Однако тот обширный массив научных знаний, который охватила собой вольфовская система, представлял собой ещё сырой материал, нуждавшийся в дальнейшей обработке и оформлении. Вот эту деятельность начал осуществлять И. Кант. Но он не стал сразу же трогать само это знание, а обратился сначала к осмыслению того, что представляет собой человеческий разум.

В ходе этого Кант: а) впервые в истории отделил *разум* от *рассудка*, б) обратился к тем всеобщим определениям – категориям, посредством которых разум мыслит мир в целом, в) выявил их противоречивый характер. Далее Фихте предложил выстроить все определения нашего мышления в единый последовательный ряд, двигаясь вперёд через обнаружение противоположных категорий к их единству в третьей категории. Шеллинг указал на объективную природу тех определений, посредством которых мы осмысливаем окружающий нас мир. А довершил дело Гегель. Он взял на вооружение разработанные его предшественниками философские принципы, изучил все науки своего времени, и выстроил в итоге свою систему понятий.

Казалось бы, после таких исчерпывающих преобразований от вольфовской системы не должно было остаться ничего. Её принципы и её содержание были полностью переработаны немецкой классической философией, благодаря чему она приобрела вид "Энциклопедии философских наук" Гегеля. Однако она не только уцелела, но и осталась востребованной. Произошло это по двум причинам. Во-первых, потому, что венец немецкой классической философии – научная система Гегеля долгое время оставалась недоступной для понимания. Во-вторых, потому, что с середины XIX века наступил период идеологического служения философии. Рыхлая податливая плоть вольфовской системы служила хорошим материалом для придания ей любой идеологической направленности. Благодаря идеологиям вольфовская философия не только дожила до наших дней, но и сохранила господствующее положение.

Последнее обстоятельство означает, что все ныне действующие философы находятся в том же положении, что и И. Кант в начале своих философских изысканий. Конечно, за два с половиной столетия много воды утекло, многократно возрос объём

знаний и увеличилось количество частных наук, но принципиальных изменений не произошло. Как и он, мы имеем сегодня перед собой основанную на рассудочном мышлении вольфовскую философию. Кант, оказавшись в этой ситуации, приступил к анализу возможностей человеческого разума. В отличие от него современные философы ничего подобного делать не желают ни самостоятельно, ни с помощью классиков. Они действуют напрямую: садятся за стол и пишут учебники. Как? А так, как Бог на душу положит. За последние 15 лет было издано несколько сотен так называемых *авторских* учебников философии, которые по сути своей – о чудо! – оказались *вольфовскими*.

Гегелевская философия соответствует ступени разума. Она отрывает мышление человека от сферы образных представлений и делает предметом его внимания все уже находящиеся в нём самом (в мышлении) определения. Она собирает разрозненные определения в понятия, а сами понятия сводит в единую систему, выстраивая её по принципу логической преемственности их смысла, где из одного понятия вытекает смысл другого, из него – третьего, и т.д. Гегелевская философия интегрирует в себя все разрозненные определения и устанавливает место каждого из них в общем ряду. "Всё то, что заслуживает названия философии, всегда помещало в основание своих учений сознание абсолютного единства того, что рассудком признаётся лишь в его раздельности"².

В силу своего основополагающего принципа гегелевская научная система содержит в себе богатейший эвристический потенциал.

Первое. Она поднимает философию до уровня сформировавшейся систематической науки, которая раскрывает в последовательном порядке более 500 образующих структуру нашего разума понятий. (Собственно, поэтому Гегелю и удалось в своих лекциях по истории философии проследить содержательную преемственность философских учений прошлого.) Благодаря этому европейская философия впервые получила полное право называть себя *рационалистической*.

Второе. Гегелевская система представляет собой первый набросок единой *научной картины мира*. В рамках этой картины все частные науки занимают строго определённое место, что позволяет каждой из них обрести свой внутренний *остов* – последовательно развивающийся ряд несущих её конструкцию понятий. Для частных наук в их нынешнем состоянии это – далеко не лишнее приобретение. Достаточно полистать учебники, чтобы убедиться в том, что эти науки представляют собой сегодня довольно архаичные образования, состоящие в основном из разнообразных сведений прикладного характера. Но прикладные исследования и рациональный строй наук – это две разные вещи. Первые продиктованы потребностями практики, тогда как рациональный остов наук принадлежит научной картине мира и определяется ею.

Третье. Гегелевская научная система раскрывает в чистом виде архитектуру человеческого ума, лежащую в его основе *матрицу* понятий. В этом значении она представляет собой новый образовательный предмет – *грамматику разума*. В современных условиях, когда знаний становится всё больше и больше, а вместе с ними растёт и количество информационного мусора, необходимость введения такой науки является уже велением времени, тем более что в своей архаичной форме она существует уже давно. Всё то, что преподаёт сегодня вольфовская философия и ряд сопредельных с ней наук, представляет собой лишь её разрозненные клочки и фрагменты!

Четвёртое. Происходящий на наших глазах процесс интеграции человечества в единый целостный организм порождает необходимость появления всеобщей духовной основы, способной объединить самосознание всех людей планеты. Для каждого народа такой основой является его национальный *язык*. Для определённой группы народов – исповедуемая ими *религия*. А для всего человечества таким всеобщим знаменателем является та данность, что все люди *разумны*. Поскольку именно гегелевская философия раскрывает понятие разума, постольку только она способна выступать в качестве такой всеобщей духовной основы.

² Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1975. С. 402.

Пятое. Развернувшийся в последние десятилетия процесс компьютеризации всех сфер жизнедеятельности общества свидетельствует о том, что человечество в настоящее время вступает в возраст зрелости. Оно делается способным репродуцировать само себя, воспроизводить нечто себе подобное. Дома и машины, заводы и дороги – это *соматическая* ткань организма человечества. А вот компьютерные программы представляют собой уже его *репродуктивное* вещество – отчуждённую от головы человека деятельность мысли. Да, это вещество пока находится в самом начале своего становления, но фактом является то, что оно уже есть и неудержимо развивается.

Именно это вещество (программные продукты) в единстве со своим материальным субстратом (компьютерным "железом") привело к появлению качественно нового состояния человечества – "информационного общества". Но для того чтобы это общество строилось не вслепую, а зряче, необходимо, чтобы разработка программ, содержащих элементы искусственного разума, осуществлялась не по воле случая, который ещё движет рукою (мышью) программистов, а на основе понимания того, что наш разум представляет собой в своём естественном состоянии. Данное понятие раскрывает единственное на планете произведение – "Энциклопедия философских наук" Гегеля. Долг философов – донести его до всех тех, кто творит новейшие технологии.

Вот далеко не полный перечень того, что уже сегодня без всяких проволочек способна дать обществу гегелевская философия. Причём если первые четыре пункта ещё можно отнести к разряду желательных, но не столь срочных, то необходимость реализации последнего пункта уже не терпит отлагательств (достаточно припомнить так называемую проблему "2000-го года").

С исторической точки зрения появление "Энциклопедии философских наук" Гегеля представляет собой закономерное возрастное событие в жизни всего человечества – переход мышления людей со ступени рассудка на ступень разума. А это значит, что никакой проблемы выбора между вольфовской и гегелевской философией не существует. Пришло время рассудку уступить место разуму.

"Нам внятно всё – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений"

Главным препятствием на пути к освоению содержания гегелевской научной системы является трудный язык его произведений. Однако, как показывает мой опыт³, это препятствие вполне преодолимо. В 1999 году была опубликована первая моя монография "Наука логики" Гегеля в доступном изложении". Она разошлась тиражом более 4000 экз. и продолжает пользоваться спросом. Востребована она не только в России, но и в других странах СНГ, а также в Болгарии, Израиле, Германии. Поступившие частные отзывы о ней подтверждают, что "заявленная в названии доступность изложения действительно достигнута, чего *никогда* в прошлом *никому* не удавалось, даже Куно Фишеру".

Осенью 2003 года была опубликована вторая моя монография – "Грамматика разума", в которой в доступной форме излагается содержание всех трёх томов "Энциклопедии философских наук" Гегеля. Эта книга также пользуется спросом. Обе монографии включены в учебные планы кафедр философии ряда отечественных вузов.

На базе "Грамматики разума" наши преподаватели уже сегодня имеют возможность разрабатывать и читать курс гегелевской систематической философии. Мною данный курс был прочитан четыре раза в полном изложении всех трёх его разделов: а) понятия *чистого понятия*, б) понятия *природы*, в) понятия *человечества*. Практика показала, что студенты внимательно конспектируют этот материал, активно и заинтересовано работают с ним на семинарах, с готовностью сдают экзамены (при исключении всяческих "автоматов").

Конечно, есть в этой книге и фактические ошибки, и структурные недостатки, и неудачные формулировки. Более того, уже сегодня целый ряд её разделов нуждается в значительной переработке. Однако это обстоятельство не отменяет главного – способности

³ Труфанов С.Н. "Наука логики" Гегеля в доступном изложении. – Самара, 1999. – 192 с., 5000 экз.
Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара, 2003. – 624 с., 4000 экз.

"Грамматики разума" служить основой для создания современного учебного курса гегелевской систематической философии. Только переход к этому курсу позволит переломить существующую сегодня драматичную ситуацию в преподавании философии, когда студенты не могут понять ни смысла философского знания, ни целей его изучения. Приняв разработанную Гегелем форму, философия вернёт себе достоинство и уважение общества. Она вновь станет важнейшим учебным предметом, необходимым для всех вузов и специальностей, даст философским факультетам престиж, а преподавателям – чувство гордости за свою науку и искреннюю любовь к ней.

Всё то, что имеет в своей основе наша отечественная философия, пришло к нам с Запада. Теперь же у нас появилась возможность дать Западу что-то и от себя. Переложение научной системы Гегеля на доступный язык и введение её в образовательный процесс – это наш этап в двадцатисемивековой эстафете по созданию данной науки. Это наша национальная квота на участие в её разработке, и было бы глупо ею не воспользоваться. Тем более что сам Гегель предвидел подобную судьбу своего дела. Правда, он надеялся на то, что это произойдёт гораздо раньше, *"ещё при детях"*, и что таким удачливым комментатором его произведений окажется *"какой-нибудь француз или англичанин"*. В годы его жизни научный потенциал России ещё не просматривался.

Ожидают своего перевода на доступный язык и другие произведения Гегеля: "Философия истории", "История философии", "Философия эстетики", "Философия религии", "Феноменология духа", "Пропедевтика". ***Вообще, всё то, что успел в своё время сделать этот человек, обладавший абсолютным слухом на понятия, всё то, что он разобрал и систематизировал, представляет для нас сегодня исключительное значение!***

Чего стоим, кого ждём?

К сожалению, за минувшие семь лет ни в одном из официальных философских журналов не появилось не только рецензии на "Науку логики" Гегеля в доступном изложении", но даже простого упоминания о ней. Факт поразительный! Ни для кого не секрет, что "Наука логики" является одним из сложнейших, если не самым сложным, произведением человеческой мысли. За минувшие два столетия объявлялось много охотников разобраться с ней и написать комментарий. Но сделать это удалось только нам, здесь, в России, на базе *русского языка*. В отличие от всех других народов мы – единственные! – не только смогли заявить стихами А. Блока: "Нам внятно всё...", но и на деле подтвердили это.

И ладно, если бы наша страна представляла собой в философском плане пустынное поле. Но нет же, всё на уровне. Имеется институт со штатом более двухсот человек, есть академики от философии и те, кто в очередь к ним, имеются заслуженные деятели и просто доктора наук, существуют философские факультеты и журналы. Так почему же широко воспринятое на низовом уровне доступное изложение логики Гегеля не нашло никакого отклика "в верхах" нашей философии? Чего здесь больше? Традиционного ***презрения*** ко всему отечественному? Бюрократической боязни новизны? Или просто низкой квалификации, не позволяющей отличить плодоносное дерево от пустоцвета, дельную работу от бездельницы?

Более трёх лет прошло со времени выхода второй книги – "Грамматики разума", в которой, напомним, впервые доступным языком излагается содержание "Энциклопедии философских наук" Гегеля, единственного на планете произведения, раскрывающего понятие человеческого разума. И что же? Всё та же реакция: "Мы тебя в упор не видим". До каких же ещё интеллектуальных высот надо поднять отечественную мысль, чтобы наша философская "элита", занимающая, кстати сказать, все ключевые посты в философском хозяйстве, соизволила обратить на неё своё внимание?

Когда в 2001 году институт философии РАН издал "Новую философскую энциклопедию", все наши философские издания сочли своим долгом сообщить миру об

этом событии. Вышедшая двумя годами позже "Грамматика разума" осталась незамеченной ими. Столь различная реакция говорит о том, что простейший *алфавитный* принцип систематизации понятий узнаётся и приветствуется нашей официальной философией, а более высокий и более важный для современного мира *логический* принцип никак не воспринимается ею.

Сегодня у вольфовской философии имеется всё, кроме будущего. У гегелевской философии есть будущее, но она находится как бы на подпольном положении. Гранты ей не выделяются, статьи, объясняющие значение философии Гегеля для современного мира, не публикуются, монографии, раскрывающие содержание его системы, не принимаются к защите. Последнее обстоятельство, когда диссертации-пустышки проходят через советы "на ура", а подлинно научные монографии получают от ворот поворот, свидетельствует уже о старческом слабоумии вольфовской философии. За давностью лет она забыла, что является наукой, и почитает теперь себя за некое подобие скаутской организации, куда принимают только по присяге.

Чтобы в современном мире продвигать науку, необходимы совместные и немалые усилия как тех людей, через головы которых в мир приходят новые идеи и возможности (других путей своего развития наука ещё не придумала), так и тех структур, которым государство доверило право выражать его интересы на данном направлении. Без выделения ресурсов, без организационной и информационной поддержки мы упустим имеющуюся у нас сегодня возможность. Помимо прочего "Грамматика разума" представляет собой также общедоступный ключ к пониманию всей научной системы Гегеля. При появлении заинтересованных лиц и правильной организации дела переход инициативы в чужие руки и на чужую территорию – это лишь вопрос времени. А нам останется вспоминать В. Высоцкого: "Мы в очереди первые стояли...".

Заключение

Тот, кто призывает изъять философию из учебных программ, выступает, по сути дела, против природы самого человеческого разума. Но и тот, кто полагает, что и дальше можно продолжать пичкать людей мякиной рассудочной философии ("прежней метафизики"), также действует вопреки законам развития мышления. Кризис современной философии, включая её вузовский формат, имеет под собой одну-единственную причину – её закостенелую приверженность давно пережившим своё время вольфовским принципам. Соответственно, и выход из кризиса существует один: надо распрощаться с вольфовской системой и перейти к гегелевской. Если у нашего философского корпуса хватит здоровых, жизнеспособных сил на то, чтобы осуществить этот переход, то благодаря этому Россия не только войдёт в число участников мирового философского процесса, где ранее она никогда не была, но и станет его лидером.

И последнее, возвращаясь к названию данной статьи. Как говорят художники: набросать пятна на полотно несложно, но как сделать так, чтобы эти пятна заговорили и полотно стало картиной? Точно так же обстоит дело и с учебником философии. Напичкать его понятиями нетрудно, но как сделать так, чтобы эти понятия сплелись друг с другом и показали читателю научную картину мира?

г. Самара.

15 марта 2007 г.